

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-009-017

ПОИСК МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В УСЛОВИЯХ РЕЗКОГО ОБОСТРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Бодрова Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор
МИРЭА – Российский технологический университет
Российская Федерация, 107996, г. Москва, ул. Стромынка, 20
E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Калинов Вячеслав Викторович, доктор исторических наук, доцент
Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина
Российская Федерация, 19991, г. Москва, пр. Ленинский 65, корп. 1
E-mail: kafedra-i@yandex.ru

На основе анализа научной литературы, архивных и иных документов исследуется проблема, связанная с началом изменения экономического курса РФ в условиях резкого обострения геополитической ситуации в 2014 г. и с необходимостью поиска механизмов обеспечения экономического роста. Изучение стенограмм парламентских слушаний, публикаций представителей властных структур, научной общественности и предпринимателей позволило сформулировать вывод о начавшемся на этом этапе признании значимости государственной промышленной политики, но и одновременно о резкой поляризации мнений относительно роли кредитно-финансовой политики. Значительная часть экспертов определяла отказ от активной промышленной политики в качестве крупного стратегического просчёта, не представляя возможным построить национальную инновационную систему, осуществить системную модернизацию России, не восстановив промышленность. В ходе дискуссий формулировались конкретные предложения, часть из которых не была использована при разработке новых стратегических документов. Обосновано заключение о необходимости активной, напряжённой работы с привлечением ведущих экспертов, учёных и практиков с целью определения важнейших приоритетов, оптимальных механизмов осуществления технологического рывка и обеспечения структурной перестройки.

Ключевые слова: экономический рост, промышленная политика, инвестиции, геополитическая ситуация, дискуссии, стратегия.

SEARCH FOR MECHANISMS TO ENSURE ECONOMIC GROWTH IN THE CONTEXT OF A SHARP AGGRAVATION OF THE GEOPOLITICAL SITUATION

Bodrova Elena V., D. Sc. (History), Professor
MIREA – Russian Technological University
20 Stromynka Str., Moscow, 107996, Russian Federation
E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Kalinov Vyacheslav V., D. Sc. (History), Associated Professor
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
65, build. 1 Leninsky Ave., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Based on the analysis of scientific literature, archival and other documents, the problem of the beginning of changes in the economic course of the Russian Federation in the context of a sharp aggravation of the geopolitical situation in 2014 and the need to find mechanisms to ensure economic growth is investigated. The study of the transcripts of parliamentary hearings, publications of representatives of government structures, the scientific community and entrepreneurs allowed us to formulate a conclusion about the recognition of the importance

of state industrial policy that began at this stage, but at the same time, a sharp polarization of opinions about the role of credit and financial policy. A significant number of experts identified the rejection of an active industrial policy as a major strategic miscalculation, not imagining it possible to build a national innovation system, to implement a systemic modernization of Russia, without restoring the industry. During the discussions, specific proposals were formulated, some of which were not used in the development of new strategic documents. The conclusion is based on the need for active, hard work with the involvement of leading experts, scientists and practitioners in order to determine the most important priorities, optimal mechanisms for implementing a technological breakthrough and ensuring structural adjustment.

Keywords: economic growth, industrial policy, investment, geopolitical situation, discussions, strategy.

Актуальность избранной нами темы исследования определяется нерешённостью проблемы обеспечения экономического роста, геополитическими вызовами и непростой внутриэкономической ситуацией, сложившейся в РФ ещё до рубежного в отечественной истории 2014 г.

Анализ литературы и документов по теме нашего исследования продемонстрировал, что предметом острых дискуссий при обсуждении причин затянувшейся стагнации и поиска путей её преодоления в 2014 г. стала государственная промышленная политика, являющаяся, по справедливому мнению значительной части авторов, основой системной модернизации постсоветской России [8]. Ранее в наших публикациях мы писали достаточно подробно о долгое время характерном резко негативном отношении во властных кабинетах к промышленной политике [2; 3, с. 55–76]. Напомним, что в современной России в официальных документах категория «промышленная политика» впервые появилась в 1993 г., однако оно не фигурировало даже в «Стратегии развития РФ до 2010 года». Это определение встречалось позже в документах, но связывалось оно с системой мер по поддержке отдельных отраслей промышленности или хозяйствующих субъектов, при этом структурный аспект промышленного развития не акцентировался.

Анализ публикаций и архивных документов показывает, что отношение к государственной промышленной политике во властных структурах стало меняться с 2014 г. Изменение курса было обусловлено тем, что мир включился в гонку «Индустриальная революция 4.0», основными технологическими драйверами которой становятся цифровые и аддитивные технологии, робототехника, проникающие в традиционные отрасли и кардинально меняющие их облик. Кроме того, весьма сложная геополитическая ситуация и ограничительные санкции заставляют Россию форсировать трансформационные процессы. 2014 г. обнажил все прежде допущенные в этой сфере ошибки. Редактор аналитического журнала «Нефть России» В. В. Андрианов в итоговой статье за этот год заявил о том, что пройдена некая точка невозврата в политике, экономике, включая нефтегазовый комплекс. Системный кризис вызван сменой базовых парадигм развития мировой экономики, включая глобальные энергетические изменения, обусловленные, в частности, сменой технологических укладов в производстве и потреблении топлива и энергии, а также геополитической турбулентностью. Ответы на эти вызовы, прогнозировал автор, придётся давать в условиях усиливающихся санкций, снижающегося курса национальной валюты и подешевевшей нефти [1, с. 1].

А. М. Мастепанов и В. В. Первухин настаивали на том, что введённые антироссийские санкции могут и должны быть преодолены путём разработки и последовательной реализации государственной научно-технической и промышленной политики, трансформации экспортно-сырьевой модели экономики в ресурсно-инновационную, предусматривающую в том числе создание импортозамещающих технологий. Обосновывали авторы этот вывод тем, что у России имеется значительный потенциал и ряд объективных преимуществ, включая водные, территориальные и биоресурсы, человеческий капитал, возможность развития транспортно-энергетической инфраструктуры Евразии, реализацию комплексных инфраструктурных проектов, укрепление сложившихся интеграционных структур (ШОС, ЕАЭС и др.). Кроме того, нефтяная отрасль РФ сократила расходы, успешно развивалась в условиях радикально снизившихся цен на нефть. Требовались лишь целенаправленные и точные действия, обеспечивающие разведку резервов, использование новейших технологий [6, с. 11].

Должны признать, что в 2014 г. дискуссии о дальнейшей экономической стратегии достигли особой остроты и безапелляционности в суждениях. Значительная часть экспертов утверждала, что не следует копить финансовые ресурсы и кредитовать конкурентов,

а необходимо осуществлять инвестиции в прорывные направления нового технологического уклада, всемерно укреплять научно-технический потенциал и поддерживать развитие наукоёмких производств.

В 2014 г. С. Д. Бодрунов, директор Института нового индустриального развития, вице-президент Вольного экономического общества России, заявил: «Я уверен, что нынешняя стагнация в значительной степени является следствием глубокой деиндустриализации страны. Которая, как показывает мировая практика, всегда ведёт к экономическому застою» [4]. Автор характеризовал в качестве порочной практику, когда средства направлялись в различные фонды, но не на реальную модернизацию производственной структуры, разработку и внедрение новейших технологий. Одновременно материально-техническая база устаревала, объёмы производства уменьшались, а кадровый состав девалифицировался, уходил в другие сферы экономики. Из-за проводимой бюджетно-финансовой политики снижался инвестиционный интерес, малоактивными в инновационном отношении оставались производства, средства населения направлялись на приобретение импортной продукции, вытеснявшей отечественные товары. С. Д. Бодрунов представил этот процесс в виде замкнутого «деиндустриализационного» круга, «который, как воронка, тащил экономику России под покровом радужных макроэкономических показателей в омут будущей (сегодняшней!) стагнации» [4]. Единственно возможным способом разомкнуть этот круг, осуществить технологический рывок, автору представлялся курс на «новую индустриализацию», удешевление ресурсной базы, модернизацию обрабатывающих производств и промышленности в целом. Необходимость реализации государственной промышленной политики объяснялась автором и тем, что правительство должно (особенно в кризисных условиях развития экономики) поддерживать отрасли, которые, порождая новые научно-технические и технологические знания, приносят внешние выгоды другим отраслям, а также помогать национальным промышленным компаниям «перетягивать» монопольную прибыль у иностранных конкурентов.

О необходимости изменения экономического курса заявило и Правительство. На его заседании 26 июня 2014 г. премьер-министр Д. А. Медведев говорил о невозможности достичь конкурентоспособности промышленности без её модернизации, ускорения инновационных процессов, подготовки высококвалифицированных кадров [9]. Министр промышленности и торговли Д. В. Мантуров назвал основные проблемы, тормозящие рост промышленности: снижение инвестиционной активности из-за дефицита свободных денежных ресурсов у предприятий и усиливающегося разрыва между низкой рентабельностью бизнеса и кредитными ставками, которые достигали 15–20 % годовых. Он призвал обеспечить более масштабный приток инвестиций в обрабатывающей отрасли, аккумулирующие в то время лишь 13 % общего объёма вложений в экономику.

С целью более эффективного администрирования государственной экономической политики Минпромторг разработал проект федерального закона о промышленной политике, который был призван устранить имеющиеся пробелы и противоречия законодательства, создать условия для реализации мер по поддержке промышленности, индустриального развития территорий, определить правовой статус индустриальных парков и кластеров.

Напомним, что попытки принять соответствующий законопроект были предприняты ещё в 2008 г. Тогда два законопроекта были внесены в Государственную думу «единороссами», но оба получили отрицательные заключения в Правительстве. Как минимум, три законопроекта были разработаны и в 2013 г. Ключевыми новациями нового проекта стали: специальный инвестиционный контракт; механизм возвратного финансирования долгосрочных займов на конкурентоспособных условиях; новые принципы субсидирования НИОКР; налоговые льготы и преференции для новых комплексных проектов и др. [9].

Между тем, далеко не все были согласны с подобными нововведениями. Заместителю Председателя Правительства Российской Федерации Ю. П. Трутневу они казались недостаточными и нечёткими, он выразил сомнение в успехе, так как, с его точки зрения, предлагались, по сути, старые инструменты, а проект закона не давал ответа о том, каким образом земля будет выделяться для новых предприятий, подводиться инфраструктура, что будет сделано для снижения административных барьеров [9].

Представляет интерес, что разработкой законопроекта занималась межведомственная комиссия, в которую вошли сначала члены Комитета Государственной думы по промышленности, представители Торгово-промышленной палаты РФ, Российской академии наук и ведущие промышленники из регионов. Министерство промышленности и торговли РФ подключилось позже, но признаём, что это стало определяющим фактором позже, при утверждении данного федерального закона.

В связи с обсуждением проекта закона заместитель председателя Комитета по промышленности ГД П. С. Дорохин заметил в одном из интервью, что эту работу «достаточно прохладно и сдержанно» оценивало Министерство экономического развития, «ещё более резок был Минфин». Но в итоге Минэкономразвития было вынуждено всё же концептуально поддержать проект, поскольку в нём был определён вектор на новую индустриализацию и преодоление затянувшейся стагнации. В качестве локомотивов, продвигающих законопроект, П. С. Дорохин назвал Государственную думу и Минпромторг, одновременно отметив, что Минэкономразвития всё ещё «находится в плену либерально-монетаристских концепций, которые на самом деле потерпели крах» [5, с. 66–69].

В ряду отраслей, которые остро нуждались в новом законе о промышленной политике, П. С. Дорохиным были выделены три локомотива развития: предприятия оборонно-промышленного комплекса, предприятия инновационного развития, их смежники – предприятия среднего бизнеса, являющиеся поставщиками комплектующих для двух первых направлений. Проект предусматривал создание органа, отвечающего за стратегическое планирование сроком на 3, 6 и 12 лет и получающего широкие полномочия, «примерно, как Госплан СССР».

Предполагалось отказаться для субсидирования от банковских кредитов и поддержать предложение Д. В. Мантурова об использовании средств через специальные фонды развития отраслей промышленности по формуле «2–3 % годовых на десять лет». Для изыскания источников П. С. Дорохин считал необходимым вернуть средства из американских банков и направить их в отечественную промышленность. Он напомнил в связи с этим и об опыте форсированной индустриализации 1930-х гг. с её крайне ограниченными финансовыми ресурсами. Также он предложил использовать этот опыт и при реализации курса на импортозамещение, весьма резко оценил и вступление РФ в ВТО, призвал сконцентрировать всю политическую волю для разработки позитивной схемы развития промышленности, используя ресурсный потенциал как преимущество [5, с. 66–69].

Надо признать, что значительная часть властной элиты начала осознавать всю опасность ситуации, значимость промышленной политики. Совершенно справедливо в связи с этим говорил первый заместитель министра промышленности и торговли Российской Федерации Г. С. Никитин: «Инновации не первичны, хотя очень важны. Инновации в отсутствие пространства, где их можно внедрять, не станут тем драйвером к развитию, которым мы хотим их видеть. И в основном это пространство – промышленность» [7, с. 44]. Однако, заметил он, если инвестиции не пойдут в промышленность, она окажется не в состоянии модернизироваться, все пожелания об активизации инновационных процессов останутся на бумаге. Г. С. Никитин напомнил и о продолжающейся реиндустриализации в западных странах, руководство которых в своё время осознало, что виртуальная экономика не может быть надёжной основой долгосрочного общественного развития, необходим базис, традиционная занятость на предприятиях, производящих материальный продукт. Именно поэтому Минпромторгом были обозначены важнейшие приоритеты – станкостроение, энергетическое машиностроение, тяжёлое машиностроение, нефтегазовое машиностроение [7, с. 44–50]. Одновременно автор заявил о том, что глубоко убеждён в состоянии самим производить высокотехнологичную продукцию, но из-за незначительного спроса на внутреннем рынке она является штучной и потому дорогой. Требуется пройти точку невозврата, которая связана с объёмами потребления. В этом случае неактуальными станут протекционизм или директивное направление спроса. В качестве основной проблемы им, также как и другими экспертами, была определена недоступность капитала. В ряду приоритетов называлось возрождение отраслевой науки [7, с. 44–50].

Весьма бурные обсуждения этого вопроса продолжались и на парламентских слушаниях на тему «О проекте ФЗ № 555597-6 “О промышленной политике в Российской Федерации”», которые были проведены 13 октября 2014 г. Выступавший на них владелец Челябинского

кузнечно-прессового завода, член фракции «Справедливая Россия» в Государственной думе V–VII созывов В. К. Гартунг отвечал отрицательно на вопрос о том, гарантирует ли он создание условий роста отечественного производства. Развитие промышленности зависит не столько от действий Минпромторга, сколько от макроэкономических условий. Так, китайская продукция как минимум вдвое дешевле, чем та, которая производится на Челябинском тракторном заводе, оказавшемся в то время на грани банкротства. Требуется обеспечить конкурентоспособные условия, справедливо утверждал он, включая тарифы на услуги естественных монополий, таможенную защиту, уровень налоговой нагрузки, достаточную государственную поддержку, процентные ставки. Должна быть признана, заявил В. Г. Гартунг, порочной практика, когда чем выше доля добавленной стоимости в создаваемой продукции, тем больше становится и налоговая нагрузка. Важным представляется и его замечание о значимости равных для всех принципах предоставления государственной поддержки предприятиям одной и той же отрасли и изменений структуры нашей экономики [10, л. 179–184].

На этих слушаниях особое внимание акцентировалось на необходимости создания законодательной базы, активизирующей инновационные процессы, обновления закона о научнотехнической деятельности, совершенствования законодательства в сфере защиты интеллектуальной собственности [10, л. 206]. Так, председатель временной Комиссии Совета Федерации по вопросам развития законодательства РФ об инжиниринговой и инженерной деятельности И. М. Зуга, рассказывая о начале реализации программы развития инжиниринговой деятельности и промышленного дизайна, которая предусматривала развитие прикладной науки на базе высших учебных заведений, а также инжиниринговых центров, в качестве острейшей назвал проблему внедрения НИОКР на отечественных промышленных предприятиях, программного обеспечения промышленной деятельности. Выступающий привёл в качестве примера одно из предприятий Самарской области, на котором появилась линия, состоящая из лазерного оборудования, но для неё некому было создать программное обеспечение. Руководство предприятия вынуждено было обращаться за решением этой задачи в США [10, л. 213–214].

Представители научной общественности, анализируя проект закона о промышленной политике, приходили к выводу о том, что если удастся его доработать с точки зрения большего учёта региональных особенностей, определения стратегических приоритетов развития российской экономики использования всех имеющихся научно-технологических, интеллектуальных, производственных, кадровых ресурсов с целью структурной перестройки экономики, он мог бы стать «надёжной основой для разработки региональных законодательных актов в области промышленного развития» [13, с. 9–21].

Подобную позицию значительной части учёных продемонстрировали и дискуссии в ходе парламентских слушаний, состоявшихся 22 сентября 2014 г. В частности, академик А. Г. Аганбегян оценил сложившуюся тогда в РФ социально-экономическую ситуацию в качестве триединой. По его оценке, стагнация началась ещё с 2013 г., когда темпы снизились до 1,3 % ВВП, а промышленность продемонстрировала нулевой рост. Падение наблюдалось практически во всех секторах экономики, а с 2014 г. началась рецессия. Инфляция ускорялась, составив в этом году 11,4 % [12]. Это обусловило стагфляцию. В качестве причин создавшегося положения А. Г. Аганбегяном были названы: дефицит инвестиций, которые являются вложением в будущее развитие с отложенным лагом; чудовищный отток капиталов, начавшийся в 2013 г. и превысивший 0,5 триллионов долларов; увеличившийся государственный долг, прежде всего, корпоративный, составивший к 1 января 2014 г. 732 миллиардов долларов; прогрессирующее старение фондов; неадекватную требованиям времени структуру экономики с крайне низким удельным весом высокотехнологичных отраслей [11, л. 33–34 об.].

Этими обстоятельствами и был вызван Указ Президента о долгосрочной экономической политике, утверждённый ещё 7 мая 2012 г. и закрепивший необходимость повысить норму инвестиций до 25 % к 2015 г., до 27 % – к 2018 г. При норме инвестиций 19 % никому не удавалось развиваться в год быстрее 2–3 % устойчивого роста несколько лет. Это всем известная жёсткая экономическая зависимость.

Отвечая на вопрос об источниках инвестиций и точном выборе приоритетов при ограниченных средствах, А. Г. Аганбегян предложил и очевидный рецепт: обеспечение благоприятного

инвестиционного климата, осуществление технологического обновления производства, строительство высокотехнологичных предприятий. Экономика знаний в этом случае является главным локомотивом. Но если предоставлять средства для инвестиций под 12–14 %, причём краткосрочные, то можно забыть об экономическом росте, убеждал он. Между тем, источником могли быть активы российских банков. Академик предлагал отступить от бюджетного правила, невзирая на возможную угрозу роста инфляции, «но риски стагнации, рецессии и стагфляции, – заключил он, – несоизмеримы по своим плохим последствиям» [11, л. 35–35 об.].

Весьма значимым было и выступление академика С. Ю. Глазьева, который, напомним, в течение многих лет выступал с критикой проводимой экономической политики. Он вспоминал, в частности, об обсуждении схожих проблем 20 лет назад, когда на самом высоком политическом уровне ставились задачи экономического роста, подъёма инвестиций, импортозамещения, повышения эффективности производительности труда. Академик согласился с тем, что у страны есть возможность расти с показателями 6–8 %. «У нас нет ресурсных ограничений... ни по мощностям, ни по рабочей силе, ни по сбережениям, у нас есть финансовое ограничение», – заявил академик, обвиняя в недомонетизации российской экономики Центральный банк и проводимую им денежно-кредитную политику [11, л. 36–38 об.]. С. Ю. Глазьев согласился с А. Г. Аганбегяном и в том, что именно инвестиции в новые технологии позволяют резко снизить издержки по основным направлениям научного-технического прогресса. Капиталоёмкая программа импортозамещения не может быть осуществлена, по мнению С. Ю. Глазьева, без создания собственной суверенной денежно-кредитной финансовой системы, без дополнительного кредита, без расширения оборотных средств предприятий, которые им нужны для производства, загрузки производственных мощностей, без инвестиций, модернизации этих производственных мощностей. С. Ю. Глазьевым было рекомендовано направить на эти цели значительную часть денежной эмиссии через механизмы проектного финансирования, через институты развития под низкие процентные ставки (1–2 %), предусмотрев строгий контроль над использованием средств, предотвращая вывоз капитала и офшоризацию путём введения специального налога.

Разделял озабоченность коллег и директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг, который прогнозировал достаточно длительную полосу стагнации и отрицал возможность с помощью шоковой терапии осуществить импортозамещение. Соглашался он и с выводами о том, что нет никакого недостатка в деньгах, а есть их недостаток для инвестиций. Причём инвестиции нужны очень значительные, но желающих с большими деньгами модернизировать тотально изношенный производственный аппарат нет, констатировал с сожалением Р. С. Гринберг [11, л. 46–46 об.].

Оппонировала академиком представитель жёстко критикуемого выступавшими Центрального банка РФ К. В. Юдаева, которая, ссылаясь на крайне неустойчивое состояние банковского сектора, объясняла именно этим его неготовность к кредитной экспансии. Положение усугублялось очень значительной задолженностью населения, составляющей на тот момент 11,5 триллионов рублей, что грозило её превращением в пирамиду, пузырь, так как средняя стоимость долга оказалась уже выше, чем прирост задолженности. Все новые кредиты шли на погашение процентов. Одновременно К. Ю. Юдаева согласилась с возможностью нарушения бюджетного правила, допустив бюджетный дефицит [11, л. 45].

Анализ этих двух противоположных подходов не представляется возможным без объективных данных – материалов, которые были представлены Счётной палатой. Её специалисты приходили к выводу о неправомерности видеть главную причину создавшегося весьма серьёзного положения в сырьевом характере экономической модели. Природные ресурсы в других странах являются преимуществом (пример Канады, Австралии). Главной причиной ими назывались недостаточная конкурентоспособность, техническая и технологическая отсталость многих отечественных производств, порождённая, в первую очередь, их недоинвестированием.

Снижение инвестиционной активности в условиях 2014 г. отчасти обуславливалось сокращением инвестиционных программ крупнейших компаний топливно-энергетического и транспортного комплексов в связи с ограничениями роста тарифов на оказываемые услуги и выполняемые работы. Кроме того, их финансовое положение дополнительно осложнилось из-за введения внешних санкций, препятствующих получению относительно дешёвых

кредитов. Компании-монополисты пытались изменить ситуацию в свою пользу и улучшить финансовое положение за счёт смягчения тарифных ограничений. Однако результатом подобной практики регулирования в конечном итоге, как справедливо утверждали эксперты, становился разгон инфляции, замедляющей экономический рост и снижающей инвестиционную активность предприятий из-за существенного изменения условий ведения хозяйственной деятельности.

Аудиторы задавались всё тем же вопросом: доживёт ли до светлого будущего большинство отечественных предприятий с их ограниченными собственными ресурсами, кредитующаясь под двузначные проценты у российских банков и не имея доступа к зарубежным займам вследствие введённых санкций? Обуздание инфляции и снижение ставок, увеличение кредитного портфеля и инвестиционной активности происходит лишь тогда, когда «владельцы» денежно-кредитных и налогово-бюджетных инструментов – Центральный банк и Правительство – действуют слаженно, сообща. Пока же этого не наблюдалось.

Кроме того, в ходе проверочных мероприятий Счётной палатой устанавливались многочисленные факты неэффективности использования бюджетных средств. Это, например, относилось к деятельности федеральных органов и государственных организаций при осуществлении мероприятий по развитию транспортной и энергетической инфраструктуры. Другим примером являлась невысокая эффективность мер государственной поддержки субъектов экономической деятельности в связи с созданием и развитием особых экономических зон, результаты функционирования которых оставляли желать лучшего.

Важным источником поддержки инвестиционной активности, полагали аудиторы, могла бы являться часть средств Фонда национального благосостояния, в отношении которой в 2014 г. уже были приняты инвестиционные решения. Однако реализации отдельных инфраструктурных проектов препятствовало отсутствие утверждённых паспортов и неопределённость механизма возврата Фонду предоставленных средств. Акцентировалось внимание и на том, что использование значительных бюджетных средств, выделяемых на развитие ОПК, не всегда приносило ожидаемых результатов, отсутствовала единая комплексная программа развития комплекса. Оценивалась как малоэффективная и господдержка предприятиям ОПК в форме более десятка различных субсидий на обслуживание кредитов.

Счётной палатой также был осуществлён анализ реализации государственных программ РФ, которые должны были стать инструментом повышения эффективности использования средств. По существу, произошло преобразование «ведомственных» бюджетов в формат госпрограмм. Анализ заявок по многим госпрограммам свидетельствовал, с точки зрения аудиторов, либо о нецелесообразности их принятия, либо о необходимости ограничения заявленных объёмов ввиду недостаточной обоснованности запроса, низкого уровня освоения ранее выделенных ассигнований, наличия на счетах остатков бюджетных учреждений неиспользованных средств, а также из-за завышения расходных смет [11, л. 115–116 об.].

Эксперты Счётной палаты выступили с конкретными предложениями, считая правомерным использование импортозамещающей модели экономического роста. Критически важными для реализации курса на импортозамещение им представлялось повышение эффективности использования бюджетных средств и укрепление внутреннего кредитного потенциала. В 2021 г. весьма провидческим представляется приведённый в этих материалах пример о необходимости производства собственных вакцин. Импортозамещение, настаивали авторы отчёта, – это не только фактор обеспечения хозяйственного развития, но и фактор обеспечения национальной безопасности. В сложившихся геополитических условиях также критически важны, настаивали аудиторы, оборонная и гражданская промышленность, сельское хозяйство. Ими также предлагалось объективно оценить возможность по привлечению на госслужбу работников достаточной квалификации и истинно радеющих за страну [11, л. 117].

Таким образом, замедление темпов экономического развития в начале нового десятилетия XXI в. свидетельствовало о необходимости внесения корректив в методы регулирования хозяйственными процессами, поиска новых источников роста. Резкое обострение геополитической ситуации в 2014 г., расширение ограничительных санкций максимально актуализировало тему конкурентоспособного импортозамещения. Анализ заключений экспертов свидетельствовал о резкой поляризации точек зрения относительно разработки оптимальной экономической

стратегии. Большая часть авторов, на наш взгляд, справедливо утверждала, что экономика, пока не осуществившая структурную перестройку, не может отказываться от активной государственной промышленной политики. Более того, одной из ведущих мировых тенденций последних лет является реиндустриализация. Серьёзнейшим просчётом России в осуществляемой в последние десятилетия государственной экономической политике является пренебрежение к развитию промышленности, имевшее результатом технологическое отставание, импортозависимость, низкие эффективность и конкурентоспособность. Обращалось внимание в ходе дискуссий и на значение стратегического планирования, иной инвестиционной политики. Но должны признать, что новых стратегических документов, вселяющих уверенность и внушающих доверие инвесторам, появилось крайне мало. Однако несомненной победой явилось утверждение Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [14].

Справедливым представляется вывод о необходимости активной, напряжённой работы с привлечением ведущих экспертов, учёных и практиков, чтобы при сложившемся высоком уровне износа основных фондов, наличии ресурсных и технологических ограничений, нередко – неудовлетворённостью работодателей качеством подготовки кадров можно было бы добиться позитивных результатов уже в ближайшее время. Это требует и принятия креативных решений, и аккумуляции позитивного опыта, который уже продемонстрировал свою эффективность.

Список литературы

1. Андрианов, В. Жареный петух прилетел / В. Андрианов // Нефть России. – 2014. – № 11–12. – С. 1.
2. Бодрова, Е. В. Научно-технический комплекс России в контексте либеральных реформ 1990-х гг. / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов. – Москва : МАОРИ, 2018. – 518 с.
3. Бодрова, Е. В. Академия наук в условиях распада СССР / Е. В. Бодрова // Российский технологический журнал. – 2018. – Т. 6, № 5. – С. 55–76.
4. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация как доминанта. О формировании новой промышленной доктрины России / С. Д. Бодрунов – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Дорохин, П. С. Закон, по которому деньги придут / П. С. Дорохин. // Бюджет. – 2014. – № 8. – С. 66–69.
6. Мастепанов, А. В. На пути к новой энергетической цивилизации / А. В. Мастепанов, В. В. Первухин // Нефть России. – 2015. – № 7–8. – С. 10–14.
7. Никитин, Г. С. Производительные силы, подъём! / Г. С. Никитин // Эксперт. – 2014. – № 27. – С. 44–50.
8. Нужна ли России промышленная политика? // Бизнес & класс. – Режим доступа: <http://www.bkgis.ru/expert-club/292-nuzhna-li-rossii-promyshlennaya-politika.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. О промышленной политике в Российской Федерации : (материалы заседания Правительства Российской Федерации 26.06.2014). – Режим доступа: <http://government.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Отдел формирования Архива ГД УДО аппарата ГД ФС РФ. – Ф. 10100. – Оп. 63. – Д. 6099.
11. Отдел формирования Архива ГД УДО аппарата ГД ФС РФ. – Ф. 10100. – Оп. 17п-6. – Д. 330.
12. Росстат: инфляция в России 2014 году составила 11,4 %. – Режим доступа: <https://ria.ru/20150112/1042216490.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Татаркин, А. И. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение / А. И. Татаркин, О. А. Романова // Экономика региона. – 2014. – № 2. – С. 9–21.
14. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70833138/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Andrianov, V. Zharenyy petukh priletel [The roast rooster has arrived]. *Neft Rossii* [Russian oil], 2014, no 11–12, p. 1.
2. Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. *Nauchno-tekhnicheskiy kompleks Rossii v kontekste liberalnykh reform 1990s gg.* [The scientific and technical complex of Russia in the context of liberal reforms of the 1990s]. Moscow, MAORI Publ., 2018, 518 p.
3. Bodrova, E. V. Akademiya nauk v usloviyakh raspada SSSR [Academy of Sciences in the conditions of the collapse of the USSR]. *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal* [Russian Technological Journal], 2018, no 6 (5), pp. 55–76.
4. Bodrunov, S. D. *Reindustrializatsiya kak dominanta. O formirovaniy novoy promyshlennoy doktriny Rossii* [Reindustrialization as a dominant. On the formation of a new industrial doctrine in Russia]. Available at: <http://www.rbcdaily.ru>.
5. Dorokhin, P. S. Zakon po kotoromu dengi pridut [The law by which the money will come]. *Byudshet* [Budget], 2014, no 8, pp. 66–69.
6. Mastepanov, A. V. Pervukhin, V. V. Na puti k novoy energeticheskoy zivilizatsii [On the way to a new energy civilization]. *Neft Rossii* [Russian oil], 2015, no 7–8, pp. 10–14.
7. Nikitin, G. S. Proizvoditelnye sily, podem. *Ekspert* [Expert], 2014, no 27, pp. 44–50.
8. Nuzhna li Rossii promyshlennaya politika? [Does Russia need an industrial policy?]. *Biznes & klass*. [Business & Class]. Available at: <http://www.bkgis.ru/expert-club/292-nuzhna-li-rossii-promyshlennaya-politika.html>.
9. *O promyshlennoy politike v Rossiyskoy Federatsii (materialy zasedaniya Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii 26.06.2014* [On Industrial Policy in the Russian Federation: (proceedings of the meeting of the Government of the Russian Federation on June 26, 2014)]. Available at: <http://government.ru>.
10. *The Department of forming Archive GD UDO apparatus of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. Found 10100, inventory 63, case 6099.
11. *The Department of forming Archive GD UDO apparatus of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. Found 10100, inventory 17-p6, case 330.
12. Rosstat: *infiyatsiya v Rossii 2014 goda sostsvila 11,4 %* [Rosstat, inflation in Russia in 2014 amounted to 11.4 %]. Available at: <https://ria.ru/20150112/1042216490.html>.
13. Tatarin, A. I., Romanov, O. A. Promyshlennaya politika: genesis, regionalnye osobennosti i zakonodatelnoe obespechenie [Industrial policy: the Genesis, the regional characteristics and legislative support]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2014, no 2, pp. 9–21.
14. *Federalnyy zakon 31.12.2014 N 488-FZ "O promyshlennoy politike v Rossiyskoy Federatsii (s izmeneniyami i dopolneniyami)"* [Federal Law No. 488-FZ of December 31, 2014 "On Industrial Policy in the Russian Federation" (as amended)]. Available at: <https://base.garant.ru/70833138/>.